

И. Климов

Деньги вместо льгот: *история и значение протеста*

После того как 13 мая 2004 года правительство представило в Совете Федерации свой план реформирования системы социальных льгот, а затем, 1 июня, прошло заседание Госсовета, посвященное финансовому обеспечению социальных обязательств, реформа системы льгот стала социальным фактом, и именно тогда началась ее социальная история.

На протяжении 2004 года реформа социальных льгот развивалась в двух вполне изолированных пространствах: институциональном и социальном, в поле институциональных решений и в пространстве социальных представлений и повседневных разговоров. Событийный “центр тяжести”, безусловно, находился в сфере институциональной политики. Различные политики, высокопоставленные чиновники и органы власти – от парламентских лидеров, министров и министерств до губернаторов и региональных правительств – решали множество задач, связанных не только с разработкой и принципами реализации реформы, но и с обеспечением своих ведомственных, корпоративных или узкополитических интересов. В то же время обнародование реформаторских намерений власти стало катализатором для развития “обыденных теорий” и объяснительных схем, оформляющих переживания, надежды, непонимание, страхи, связанные не только с реформой, но и с общими оценками жизни, с представлениями о наиболее острых проблемах в обществе и, разумеется, с усвоенным опытом других реформ. Наиболее значимыми компонентами обыденных представлений стали, во-первых, тесная связь идеи реформы с представлениями о справедливости, о “достойном материальном положении”; во-вторых, актуализация и перенос на проблему реформы сильных ценностных доминант: льготники – это не просто “социально неблагополучные”, это люди, чьи заслуги должны признаваться государством, и именно оно должно заботиться о ветеранах войны и труда, героях-орденоносцах, о чернобыльцах и т.д.; в-третьих, тревожные размышления о судьбе взаимных обязательств государства и его граждан, уже неоднократно подвергавшихся испытаниям: пенсионной реформой, преобразованиями в сферах здравоохранения, образования, а также постоянным расширением привилегий чиновников и ростом их зарплаты [Климов И. 2006].

К концу 2004 года у подавляющего большинства россиян сформировалось ощущение нарастающей опасности – вне зависимости от оценок собственной жизни

В Калининграде милиционер отказался платить за проезд, предъявил кондуктору служебное удостоверение, заявив, что находится при исполнении, так как едет на работу. Но, согласно изменениям в федеральном законодательстве, с 1 января 2005 года сотрудники внутренних дел лишились права бесплатного проезда в городском транспорте. Когда кондуктор не согласился с доводами милиционера, последний вызвал по телефону вооруженных коллег. В итоге в отношении кондуктора был составлен протокол, а за билет так и не было заплачено. Начальник ОВД Ленинградского района Калининграда Борис Горбунов сообщил в интервью ГТРК “Калининград”, что платить деньги МВД не может, поэтому на службу сотрудники ездят, предъявляя удостоверения.
 ИА REGNUM, 6 января 2005 года

и собственных проблем [Климов И. 2006]. И в первую очередь это касалось низко-ресурсных, слабо адаптированных групп: здесь представления о макропроблемах (страны и общества) опрокидывались на проблемы локальные и частные, связанные с актуальной повседневностью людей, и в результате рождались крайне тревожные ожидания относительно ближайшего будущего. Уже в этот момент можно было предполагать, что наиболее конфликтным станет этап, когда реформа “дойдет до адресата”, когда именно повседневная жизнь людей подвергнется испытанию новацией.

Таким образом, начальный этап реформы вызвал к жизни процессы, протекавшие довольно изолированно друг от друга – в институтах власти и в “субъективной реальности” россиян – и очень слабо корреспондировавшие между собой. Общество и власть оказались недиалогоспособными относительно глобальной и общезначимой проблемы. С одной стороны, саму власть не заботила реакция общества. Вне зоны внимания авторов и исполнителей реформы оказалось множество социальных, мировоззренческих и культурных обстоятельств, учет которых мог бы содействовать корректировке проекта по существу, проявить слабые места реформы. С другой стороны, огромный класс социальных аналитиков, интерпретаторов и толкователей, а также институты масс-медиа оказались не в состоянии выстроить связи (причем, надо заметить, в обоих направлениях) между полем институциональных решений и общественными практиками, общественными представлениями. В результате роль “говорящих чиновников” и СМИ в формировании корпуса знаний, представлений, оценок и установок людей в отношении реформы оказалась минимальной. Мнения формировались “на кухне” [Бавин П. 2004], и их тревожную тональность лишь ненадолго удавалось изменить массивным агитационным воздействием [Климов И. 2004-а, 2006].

Следует указать и еще на одно обстоятельство: на протяжении всего 2004 года общество и общественные структуры не нашли в себе достаточно сил и ресурсов для того, чтобы участвовать в “определении ситуации”, чтобы формулировать свое видение проблемы и свои мнения о ней, чтобы активно участвовать в формировании “горизонта событий”. Это была как раз та ситуация, когда даже навязанный диалог мог бы серьезно скорректировать реформу.

Отношение россиян к реформе в 2005 году

Начало реализации закона о монетизации льгот мобилизовало раздражение от этой реформы и вывело из “пассивного” состояния накопившийся потенциал протеста. Наиболее острыми проблемами для льготников и членов их семей стала ситуация со льготами на проезд и льготами на лекарства*. Напомним, что с 1 января 2005 года право бесплатного проезда в общественном транспорте по всей территории России сохранили только Герои Советского Союза и России, Герои Соцтруда, Почетные граждане Санкт-Петербурга, дети-сироты и дети из многодетных семей. Конфликты и конфликтные ситуации в транспорте стали возникать уже с первых дней нового года**. В Москве городские власти сохранили для федеральных и региональных льготников-москвичей бесплатный проезд в городском транспорте. Вместе с тем с 1 января во многих городах подорожал проезд в городском общественном транспорте, подорожали в среднем на 10% и проезд-

* Общероссийский опрос населения от 5–6 февраля 2005 года (100 населенных пунктов 44 субъектов РФ, 1500 респондентов).

** В некоторых регионах начало реформы совпало с очередным и весьма заметным повышением тарифов на услуги ЖКХ, например, в Архангельской области, в Удмуртии, в Ростовской области и др.

ные билеты – месячные, квартальные, годовые, студенческие. А если говорить о пригородном железнодорожном сообщении, на начало января 2005 года только 22 субъекта Российской Федерации согласились компенсировать компании РЖД проезд региональных льготников в пригородных поездах.

Опросы фиксировали резкий рост недовольства*, доля противников замены льгот на деньги превысила долю ее сторонников вдвое. Среди населения доля негативных оценок по сравнению с ноябрьскими данными увеличилась с 44 до 53%, а среди самих льготников – до 59%. Особенно резко ухудшилось отношение к реформе в больших городах и среди относительно состоятельных граждан (прирост доли негативных оценок – 12 и 13 пп. соответственно). Даже в тех категориях, которые прежде демонстрировали в целом наиболее благосклонное отношение к этой новации – жители сел и малообеспеченные граждане, – число ее сторонников сократилось на 10 и 12 пп. соответственно. Одновременно с этим заметно усилились критические интонации в повседневных беседах граждан на эту тему: доля тех, кому приходилось слышать негативные отзывы о реформе, выросла на 16 пп. и составила 59%, а доля тех, кто слышал позитивные оценки, сократилась до 12%.

В связи со сказанным неудивительно, что, по мнению большинства россиян, первые практические шаги реформы принесли больше отрицательных (60%), нежели положительных (18%) последствий**. По большей части респонденты признавали: власти пытаются что-то делать, чтобы исправить собственные просчеты и недоработки (49%), однако у людей не было однозначного мнения о том, насколько действенны эти экстренные усилия: 21% считали, что они улучшают ситуацию, 5% – что принимаемые меры только ухудшают ее, и еще 17% полагали, что эти меры никакого влияния не оказывают. Добавим: треть опрошенных (30%) были твердо уверены, что власти вовсе не принимают никаких мер. Главным аргументом, подтверждающим такой вывод, были для участников опросов непрекращающиеся акции протеста, охватившие едва ли не половину российских регионов.

Первые митинги протеста начались 5–6 января, а уже 10 января льготники стали перекрывать транспортные магистрали: в Москве – Ленинградское шоссе в районе Химок и Солнечногорска, в Самаре была блокирована Революционная улица, одна из центральных магистралей города, аналогичные события происходили в Альметьевске (Татарстан), в Старом Осколе (Белгородская область), в Уфе и Барнауле***. А уже в течение последней недели января акции протеста состоялись в 39 регионах страны.

Данные январских опросов показывали: у россиян очень быстро сформировалось понимание того, что в ближайшем будущем следует ожидать скорее усиления волны протеста, нежели спада (40% против 28%)****. Кроме того, в обществе было довольно широко распространено представление о том, что настроения, связанные с реформой, не являются локальными, присущими лишь одной, отдельной категории людей. Так, 39% респондентов полагали, что к пенсионерам и льготникам могут присоединиться другие группы населения: молодежь

* Общероссийский опрос населения от 22–23 января 2005 года.

** Общероссийский опрос населения от 5–6 февраля 2005 года.

*** Хронику акций протеста в связи с реформой социальных льгот можно реконструировать, в частности, по новостной ленте Института “Коллективное действие” (<http://ikd.ru>).

**** Общероссийский опрос населения от 22–23 января 2005 года.

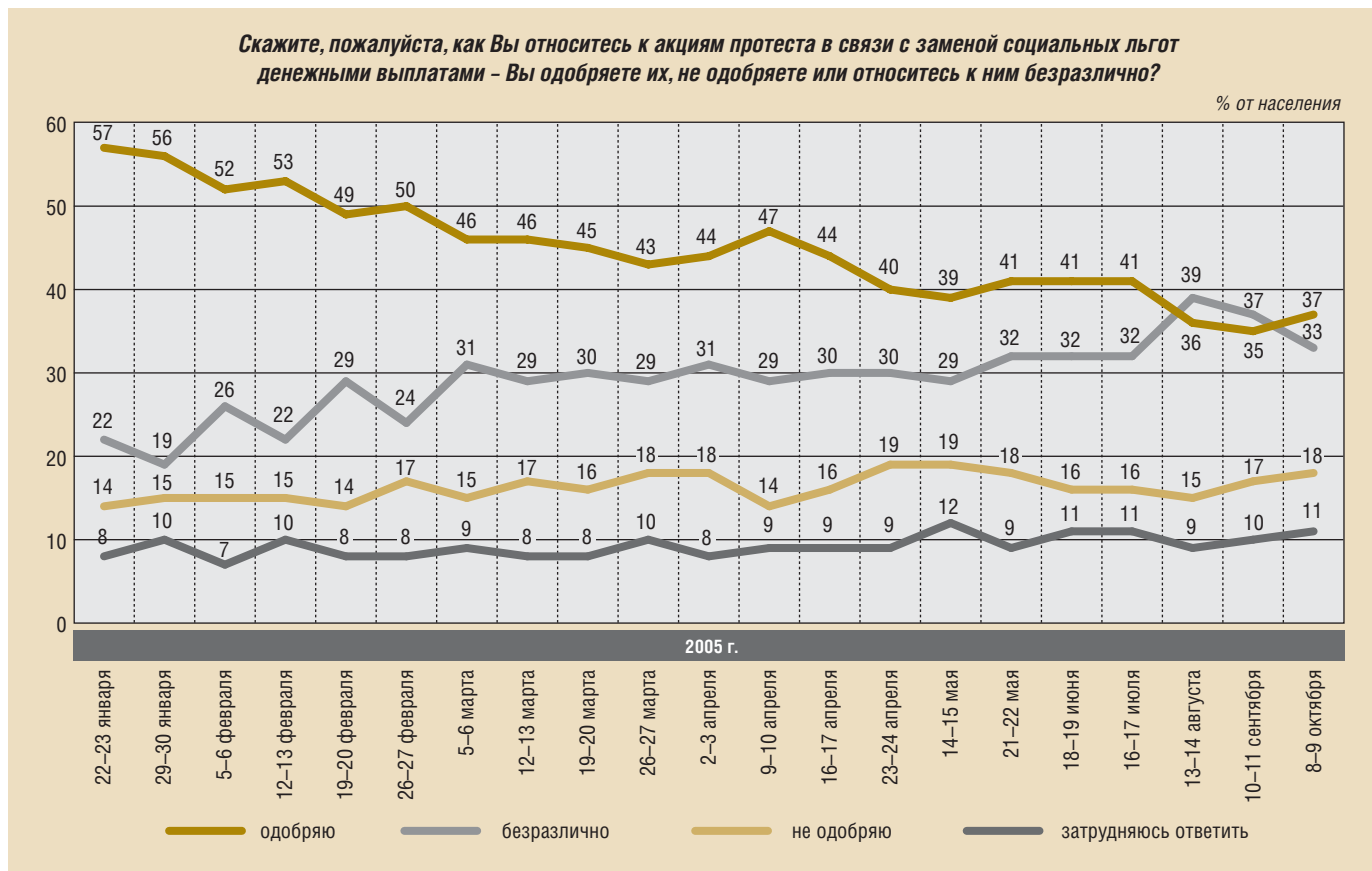

Рис. 1

и студенты, бюджетники, безработные, малообеспеченные, другие социально незащищенные люди, а также некоторые политические партии и профсоюзы, что, собственно, и начало происходить в последней декаде января*.

Отвечая на вопрос о том, примут ли респонденты участие в акциях протеста, если таковые будут проходить там, где они живут, 25% выражали готовность к действию (среди льготников доля решительно настроенных доходила до 35%). Безусловно, декларированная готовность протестовать еще не означает реальной готовности к активным действиям, однако этот показатель является важным индикатором того, насколько остро люди ощущали «социальную температуру» самой актуальной на тот момент общественной проблемы. При этом симпатии и сочувствие россиян были, безусловно, на стороне протестовавших: относились к акциям с одобрением 57% (среди льготников – 66%), а не одобряли их лишь 14% опрошенных (примерно пятая часть опрошенных, 22%, знали об акциях протеста не понаслышке – таковые проходили где-то по соседству, в их городе или поселке).

Пик протестной активности пришелся на последнюю неделю января, но уже в первой половине следующего месяца численность акций снизилась почти вдвое. За первые семь дней февраля акции протеста прошли примерно в 20 регионах – против 39 на предшествующей неделе, за вторую неделю февраля – в 14**. Аналогичная тенденция к снижению напряженности обнаружилась и в данных опросов. Во-первых, несколько снизилась доля тех, кто предполагал дальнейшее усиление

* Информация Института «Коллективное действие».

** Сказанное не означает, что снизилась интенсивность протеста. В этот момент произошел переход к более организованному этапу развития протестного движения.

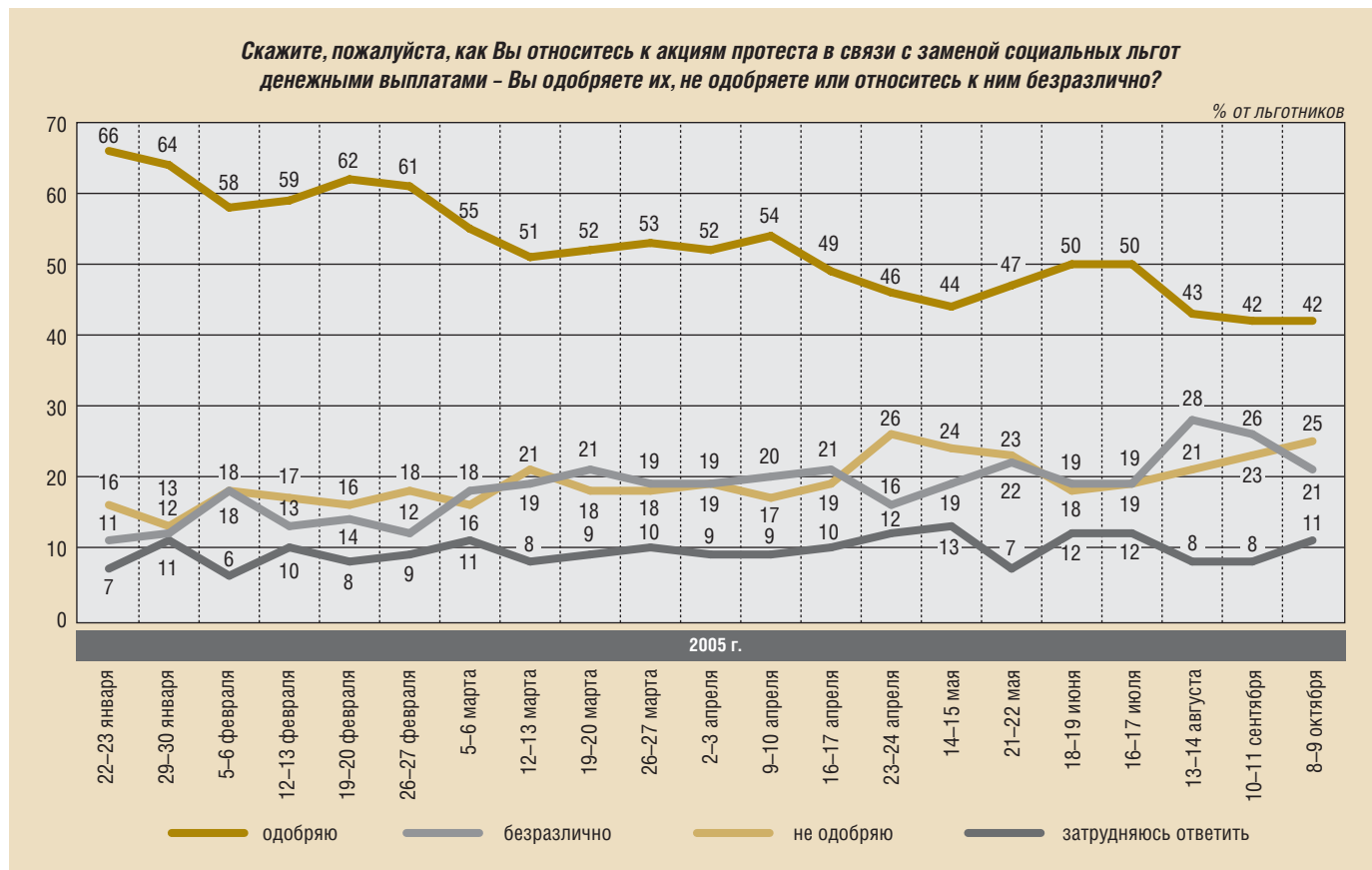

Рис. 2

акций протеста (с 35 до 31% – по опросу 5–6 февраля 2005 года). Во-вторых, заметно сократилась интенсивность обыденных разговоров и обсуждений темы реформы социальных льгот. Так, в начале февраля число не слышавших никаких разговоров о реформе и связанных с ней событиях выросло с 16 до 25%. Одновременно начала меняться тональность высказываний и оценок: с 61 до 49% сократилось число тех, кто слышал отрицательные суждения, и с 12 до 16% выросла доля слышавших положительные отзывы*.

Вместе с тем другие индикаторы протестной мобилизованности и озабоченности проблемой долгое время – вплоть до лета 2005 года – оставались относительно высокими. Готовность участвовать в акциях протеста выражали 22–25% россиян (в том числе и 27–32% льготников), с одобрением относились к протестам примерно половина опрошенных (от 46 до 53%), а в целом негативно оценивали саму реформу от 41 до 46% респондентов (рис. 1–4).

Только в апреле постепенное «угасание» общественного напряжения, связанного с реформой, стало проявляться более-менее отчетливо. Так, несмотря на то, что внимание самих льготников к проблеме социальных льгот оставалось крайне мобилизованным (86% тех, кому положены льготы, сказали, что эта тема их интересует и волнует), как раз в апреле именно в этой категории граждан доля положительно относящихся к реформе впервые превысила (хоть и незначительно) долю оценивающих ее отрицательно: 46% против 43% (рис. 6).

Если же говорить о россиянах в целом, разница между теми, кто заявлял о своем положительном и отрицательном отношении к реформе, к середине апреля

* Общероссийский опрос населения от 5–6 февраля 2005 года.

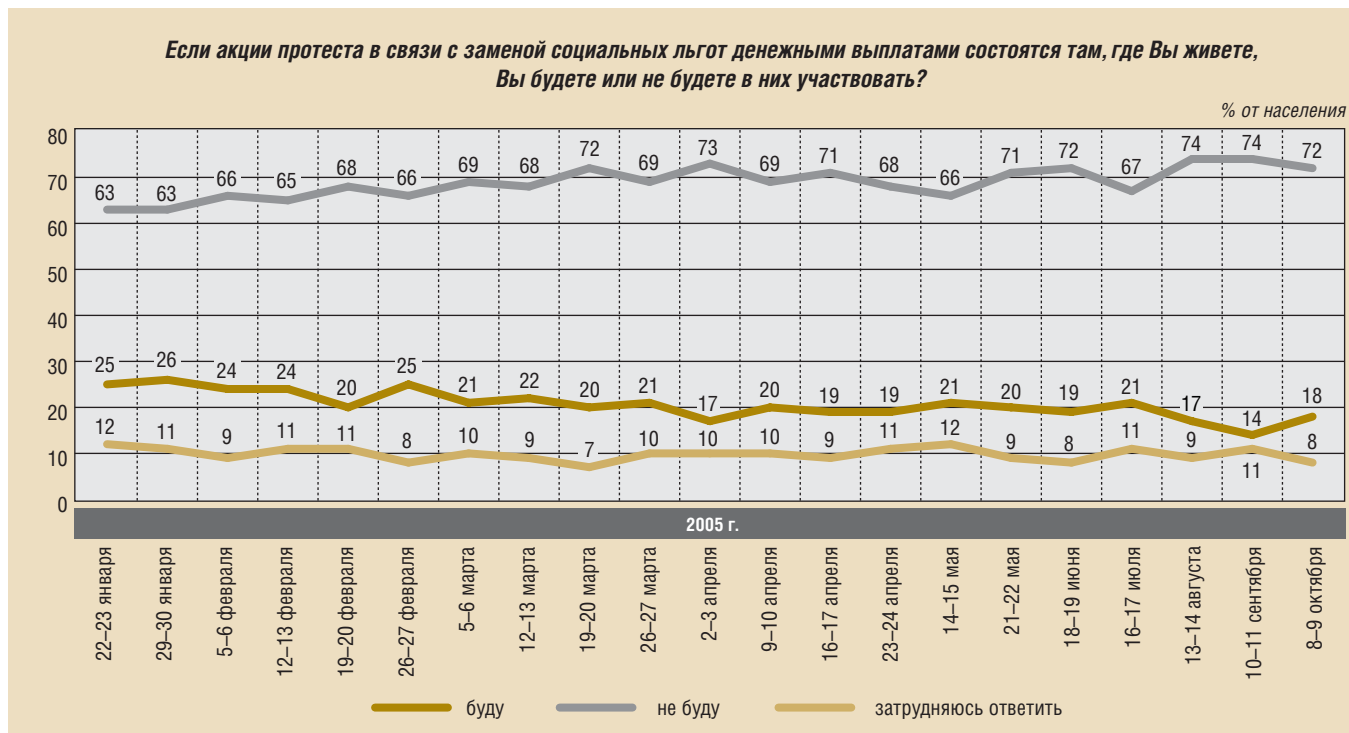

Рис. 3

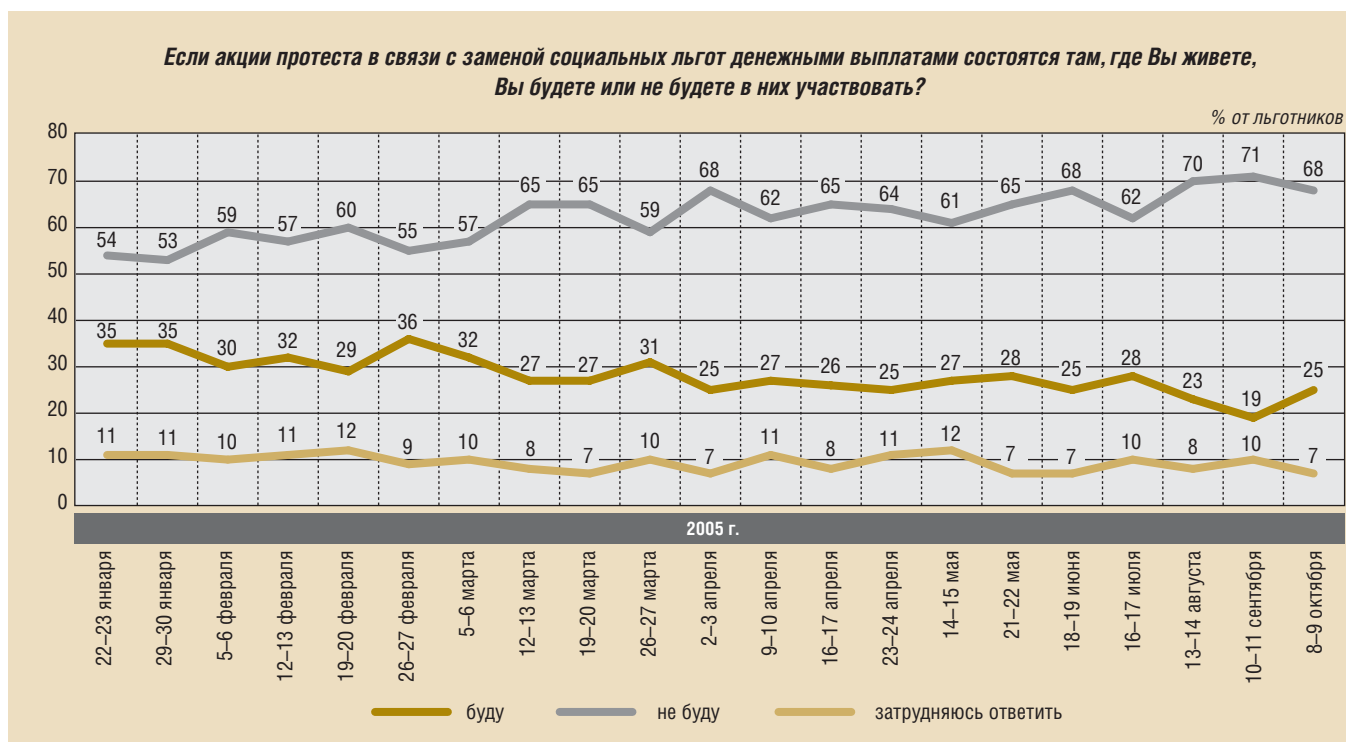

Рис. 4

оказалась столь же незначительной: 38 против 35%, и дальше – на протяжении мая и всего лета – этот показатель оставался в пределах указанных значений (рис. 5). Чаще других положительно оценивали монетизацию льгот люди с неполным средним образованием (48%), пожилые респонденты (46%), с доходами от 1500 до 3000

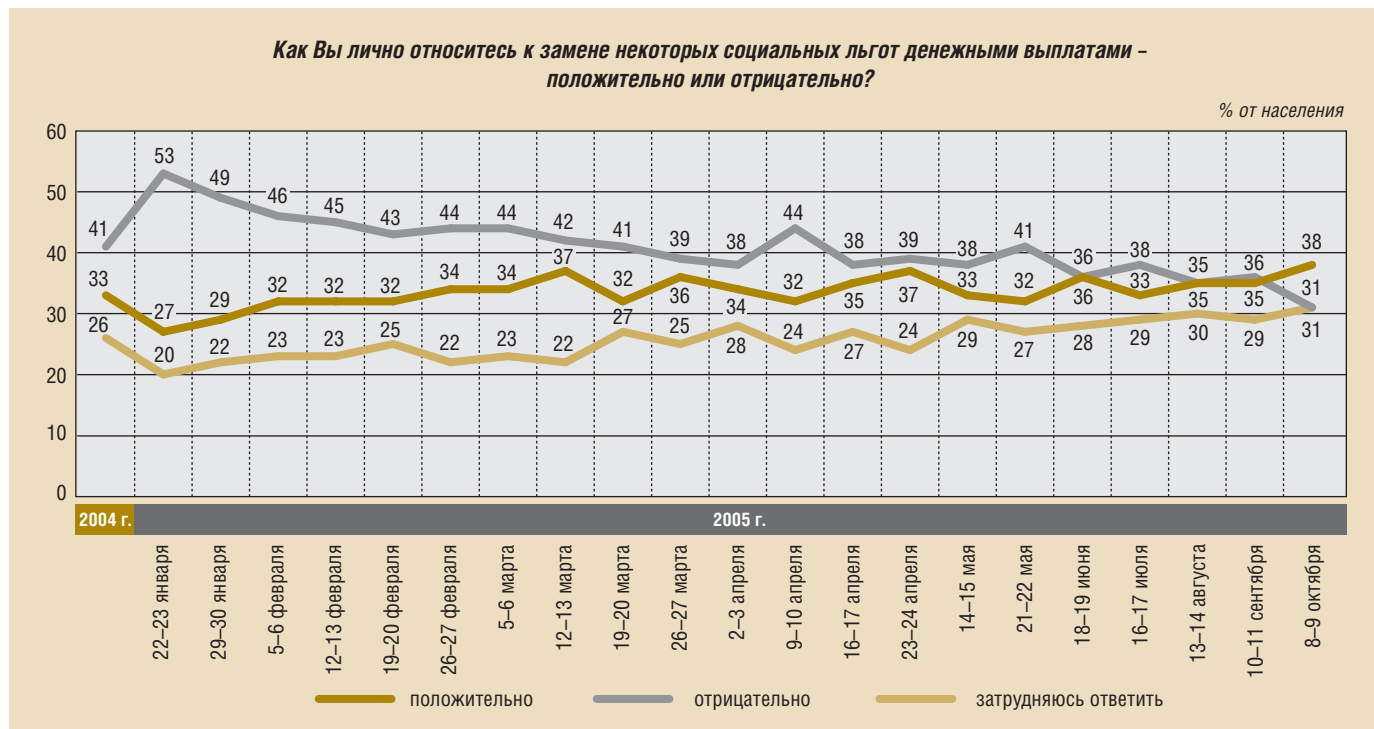

Рис. 5

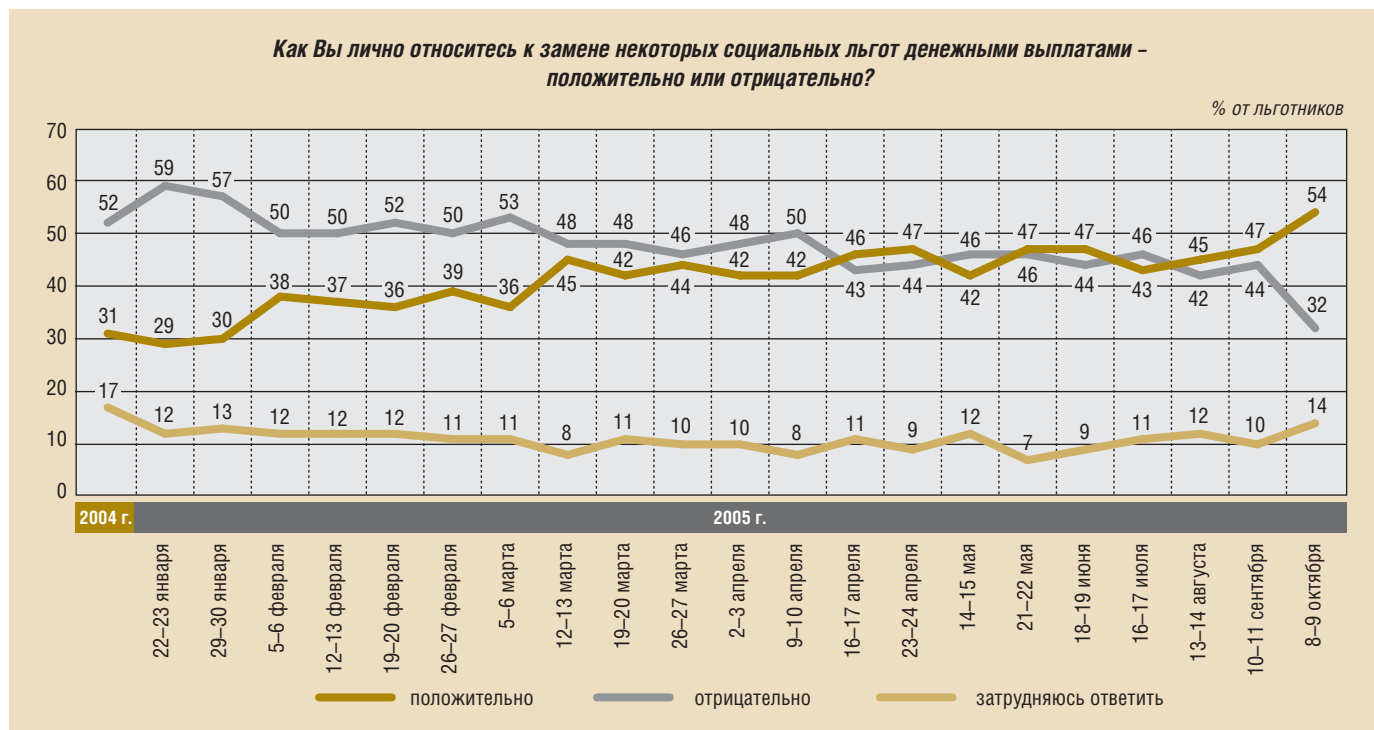

Рис. 6

рублей (44%), жители сел (43%). О своем отрицательном отношении чаще говорили жители мегаполисов (46%), респонденты, имеющие высшее образование (46%) и доходы более 3000 рублей (47%)*.

* Общероссийский опрос населения от 16–17 апреля 2005 года.

В акции “Дни единых действий” 10–12 февраля участвовала КПРФ. По замечанию исследовательницы протестных выступлений в современной России К. Клеман, отношения между КПРФ и другими участниками и организаторами протестов были неоднозначными и сложными. Они сильно варьировались от региона к региону. Оценить вклад КПРФ в протестную активность довольно сложно, поскольку эта партия зачастую выходила из коалиций, когда появлялись сомнения относительно ее лидерства в них

Итак, как показывают и данные опросов, и мониторинг событий вокруг реформы, фаза мобилизованного протеста была сравнительно недолгой – примерно до середины февраля. Наиболее значимой и своего рода рубежной стала всероссийская акция протеста “Дни единых действий против антисоциальной политики” 10–12 февраля, организованная Советом общественной солидарности и многими региональными Координационными советами по меньшей мере в 50 городах страны. После этого события протестная активность изменила свои масштабы, и самое важное – проблема льгот все реже становилась темой лозунгов, митингов и пикетов. Дольше всего протестная активность продолжалась в нескольких региональных центрах: Перми, Ижевске, Пензе, Томске – здесь регулярные акции проходили вплоть до конца февраля. Третий и самый болезненный этап реформы миновал. Свои уроки из произошедших событий сделали все их участники – по какую бы сторону баррикад они ни находились.

Значимые итоги протестной активности

Социологический анализ январских акций протеста необходим, поскольку одних опросных данных, замеров социальной напряженности и изучения мнений недостаточно для того, чтобы получить более-менее полную картину итогов реформы социальных льгот. Что интересного и важного мы можем усмотреть в том, что происходило в начале 2005 года?

1. Январские акции протеста были массовыми. Существуют разные оценки масштабов социального протеста, возникшего в связи с реформой, однако оценить общую численность участников протестных акций довольно проблематично по целому ряду причин*. Опросы – далеко не самый удачный инструмент для этого**. Они более пригодны для оценок протестных настроений – одного из индикаторов протестной активности.

В качестве критерия массовости можно принять точку зрения С. Климовой: а) акции должны проходить в нескольких городах или населенных пунктах; б) проблема, вызвавшая протест, должна затрагивать интересы или права массовой категории граждан; в) в акциях протеста должны принимать участие сами представители этих категорий населения. С этой точки зрения акции против Закона о реформе социальных льгот были безусловно массовыми – вне зависимости от абсолютного числа людей, принимавших в них участие. Есть и еще несколько особенностей протестной динамики, которые служат дополнительным основанием для такого вывода.

2. Акции протеста, начинавшиеся спонтанно, привели к появлению новых субъектов действия. В самом начале, когда череда протестных акций только начиналась, возникало устойчивое впечатление, что это стихийный протест. Однако у россиян, судя по данным опросов, однозначного мнения на этот счет не было. В конце января примерно треть опрошенных (36%) называли акции стихийными, а 39% придерживались противоположной точки зрения; 25% респондентов затруднялись сказать что-то определенное по этому поводу***. Реальное развитие событий было сложнее дихотомии “спонтанный/организованный”.

* В частности, это проблема идентификации конкретной акции как относящейся или не относящейся к проблемам реформы (в этот период времени проходили акции в связи с целым рядом других проблем – достаточно назвать повышение тарифов ЖКХ) и проблема “длящихся”, многодневных акций.

** Будучи “точечными” по своей природе, опросы могут “промахиваться” мимо тех населенных пунктов и даже отдельных городских или сельских районов, где протесты действительно были заметными и значимыми.

*** Общероссийский опрос населения от 22–23 января 2005 года.

Еще летом 2004 года появился Совет общественной солидарности (СОС), уже тогда заявивший о себе акциями против реформы льгот. Однако бóльшая часть протестных акций, проходивших в первой половине января, были спонтанными и собирали от нескольких десятков до нескольких сотен участников. К середине месяца при активном участии СОС стали формироваться координирующие объединения, чьей задачей на первых порах была не столько подготовка новых акций, сколько информационное обеспечение и координация действий уже возникших протестных групп и протестных акций. Численность участников выступлений уже достигала нескольких – от одной до шести – тысяч человек, а в регионах появилось полтора-два десятка устойчиво действующих групп и объединений: Комитет единых действий в защиту социально-трудовых прав граждан (Санкт-Петербург и Ленинградская область), Комитет протестных действий (Новосибирск), Комитет общественного контроля (Тула), Комитет общественного спасения (Ярославль), Координационный совет (Орел), Штаб протестных действий (Воронеж), Движение гражданских инициатив (Санкт-Петербург), Координационный совет гражданских действий (Ижевск), Общественный городской штаб по организации акций протеста (Владимир), Движение жителей Татарстана за свои права, Общественное движение «Мое жилье» (Архангельск), Общественный совет по контролю за социальной реформой (Барнаул), Общественный совет пенсионеров Удмуртской Республики, «Льготники из Ангарска» (Иркутская область). В некоторых случаях партнерами для взаимодействия становились не какие-то оформившиеся инициативные группы и общественные объединения, а непосредственно участники и «спонтанные активисты» многодневных митингов и акций протеста, таких, как, например, акция 17–21 января в Перми, акции 12–16 января в Пензе, акции 15–19 января в Санкт-Петербурге. То есть, начавшись стихийно, коллективное действие как таковое становилось субъектом партнерских отношений (до момента

В Совет общественной солидарности (СОС), в частности, вошли Всероссийское общество инвалидов, Союз черныбыльцев и ряд других черныбыльских организаций, ветеранские организации, правозащитники – движение «За права человека», «Мемориал» и др., ряд «альтернативных» профсоюзов, официальные профсоюзы учителей некоторых регионов, молодежные студенческие структуры московских вузов

выкристаллизовывания организаторской группы) в силу солидарного настроения участников, единства места и большой продолжительности акции.

Во второй половине января начали более рельефно проявляться коалиционные стратегии – к акциям протеста стали примыкать профсоюзные объединения, партийные организации и партийные лидеры. Иногда их участие в акциях протеста было “символическим”: организационный вклад и мобилизация своих сторонников для участия в этих акциях были существенно меньшими, нежели это отражалось в медийном пространстве, где партийные бренды становились “объясняющим фактором” столь резкой и неожиданной коллективной активности. Вместе с тем в некоторых случаях объединения и общественные советы, учрежденные коалициями партий и общественных объединений, ставили себе задачу вести переговоры с властями по поиску выхода из кризиса (Координационный совет общественно-политических организаций Республики Башкортостан*).

3. Проявился сетевой характер общественных объединений. Участники протестных акций продемонстрировали новый, прежде не использовавшийся столь широко алгоритм действий: появились и закрепились в качестве регулярной практики *сетевые формы коллективной активности*. Объединения людей, инициативных групп, коалиция разных организаций, профсоюзных и партийных структур возникли как вариант решения ключевой задачи – повысить шансы на успех и добиться конкретного результата через мобилизацию и объединение людей, а также через оформление протестных *настроений* в систему *социальных требований* к власти. В качестве наиболее заметных и успешных – в смысле интенсивности сетевых взаимодействий – можно назвать Совет общественной солидарности (возникший еще летом 2004 года), Координационный совет гражданских действий (Ижевск), Комитет единых действий в защиту социально-трудовых прав граждан (Санкт-Петербург и Ленинградская область), Координационный совет Перми.

После спада протестной активности определенная часть возникших объединений не прекратила своего существования. Более того, координационные струк-

* Учредители: КПРФ, “Яблоко”, “Родина”, Российская партия пенсионеров, “Народная воля”, общественное объединение “Русь”, Межрегиональный Башкирский национальный конгресс, Союз татарских организаций Республики Башкортостан, Республиканский общественный фонд развития местного самоуправления.

туры из Ижевска, Перми, Санкт-Петербурга, Кургана, Подмоскovie, Томска, Омска и ряда других городов в апреле 2005 года организовали проведение Российского социального форума в Москве, а в октябре – Гражданского форума в Саратове. Таким образом, сетевые стратегии, возникшие еще накануне реализации реформы, оформившиеся и укрепившиеся в январе в силу необходимости координировать протестные действия, не просто сохранились и сохранили свой главный ресурс – коллективное участие, они получили дальнейшее организационное развитие в виде межрегиональных гражданских конференций.

4. *К протестам льготников подключались ресурсные группы.* Выше уже говорилось о том, что во второй половине января к акциям протеста льготников стали присоединяться политические партии, отдельные политики, профсоюзы – то есть те организации и объединения, которые по природе своей ориентируются на коллективное действие как на значимый социальный ресурс. Вместе с тем в некоторых городах солидарность с протестом льготников начали выражать (в том числе и действиями) и другие социальные группы, обладающие определенными ресурсами: организованностью, включенностью в социальные сети, образованием, опытом по отстаиванию своих прав и т. д. Это молодежь, студенты и школьники, “профильные” профсоюзы. Так, в Екатеринбурге 19 января молодые люди из движения “Наше время” устроили флеш-моб перед офисом “Единой России”. В Калининграде (18 января) и Бийске (20 января) вместе с пенсионерами студенты участвовали в акциях против отмены льгот на проезд. В Ульяновске (22 января) льготники и студенты организовали совместный митинг – одновременно против реформы льгот и против отмены отсрочек от армии. 29 января в Калининграде перед зданием областной думы митинговали студенты Калининградского государственного университета, Калининградского государственного технического университета и Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. В Перми 26 января был официально учрежден Студенческий координационный комитет (СКК), сформулировавший свою задачу как сопротивление “неолиберальному наступлению, развязанному правящим режимом против российских рабочих, нетрудоспособных граждан и молодежи”^{*}.

Не менее показательной выглядит “смычка” протеста льготников и пенсионеров с профсоюзным движением, в первую очередь с “альтернативными профсоюзами”, не входящими в ФНПР. 19 января Центр поддержки профсоюзов и гражданских инициатив (Профцентр), объединяющий представителей альтернативных профсоюзов, отдельных общественно-политических движений, социально активных рабочих, проводил консультации с профсоюзами авиадиспетчеров и железнодорожников о проведении согласованных акций “За трудовые и социальные гарантии”. Совместные акции протеста проводились в Иркутске (СОЦПРОФ), Иванове (Областное объединение профсоюзов), в Перми (профсоюз “Солидарность”), в Набережных Челнах (профсоюз строителей). 24 января федерация профсоюзов Свердловской области пригрозила забастовкой транспортников в связи с реализацией Закона о льготах.

В Тольятти профсоюз “Единство АвтоВАЗ” вошел в местную координационную коалицию. В Кургане профсоюз “Защита труда” участвовал во всех акциях протеста, кто бы их ни проводил: левые политические партии или ветеранские организации. Примерно то же самое можно сказать о Сибирском региональном профцентре в Новосибирске, о Сибирской конфедерации труда (СКТ) в Омске

^{*} Учредительный манифест Студенческого протестного движения. (Принят на учредительной конференции СПД 24–25 сентября 2005 года) (<http://student.revkom.com/skk/manifestoSPD.htm>). Студенческое протестное движение возникло совместными усилиями профсоюза “Студенческая солидарность” ПГУ и СКК.

и Томске, о профсоюзе “Солидарность” в Перми, о тюменском профцентре. Кроме того, к акциям льготников стали подключаться (или хотя бы участвовать в координации действий) комитет профорганизаций в сфере науки в Подмоскowie, профсоюз работников образования в Удмуртии, в Москве. Многие альтернативные профсоюзы приняли участие в инициированной СОС кампанией по подготовке и проведению всероссийской акции протеста 12 февраля (федеральный профсоюз авиадиспетчеров – ФПАД, “Защита труда”, “Солидарность”, объединение профсоюзов в сфере науки, региональные профцентры, некоторые отделения студенческих и учительских профсоюзов).

Почему важно зафиксировать факт совместных действий сильноресурсных и слабонересурсных групп? При анализе отношения россиян к реформе социальных льгот на протяжении 2004 года мы видели, что интерес и беспокойство проявляли не только пенсионеры и льготники, но и люди “трудоактивного” возраста (35–55 лет), со сравнительно высокими доходами, жители крупных городов и мегаполисов, со средним специальным и высшим образованием (то есть профессионалы и квалифицированные специалисты) [Климов, 2006]. Это означает, что свое видение проблемы и соответственно свои ответы о смысле и значении реформы сформировались не только у “целевых групп”, но также у тех,

чьи интересы реформой непосредственно не затрагивались. Акции протеста льготников создали принципиально новую ситуацию – ситуацию, в которой оказалась возможной работа по консолидации требований и формированию “солидарных целей”, что автоматически подразумевает тематическое расширение исходной проблемы. Результатом такой работы становится, во-первых, феномен *солидарности* – ответственная поддержка “не своего” интереса, интересов иных социальных групп и общностей, и появление уверенности во *взаимности* обязательств. Во-вторых, это *практический опыт* консолидированных действий и понимание ценности организованного, подготовленного – а не стихийного – протеста.

5. Протестующие осваивали разнообразные алгоритмы действий. Обращает на себя внимание тот факт, что поначалу участники акций протеста выбирали одну из наиболее жестких форм протеста – перекрытие дорог. По данным исследования, посвященного отношению россиян к такой форме протеста, считали допустимыми подобные действия 37% опрошенных, причем более половины представителей данной группы признавали, что этим участники и инициаторы протеста нарушают законы*. Характерно, что для оправдания подобной тактики использовались не только традиционные утверждения об эффективности и скорости ответной реакции. Чтобы объяснить, почему “обычные” нормы и правила неприменимы к этой ситуации, респонденты использовали метафору *войны и военных действий*, когда только жесткие меры представляются единственным адекватным средством: “На войне против врага все средства хороши” (ДФГ, Воронеж. 2005)**.

В связи со сказанным неудивительно, что в ряде случаев участники прибегали и к другим жестким формам действий –

* Общероссийский опрос населения от 19–20 февраля 2005 года.

** Обращает на себя внимание не только растущая популярность подобных акций (после “рельсовой войны” в течение 10 лет такие случаи были единичными), но и уникальность этого явления – в настоящий момент практически нигде за рубежом практика протестного блокирования дорог не получает столь широкого распространения.

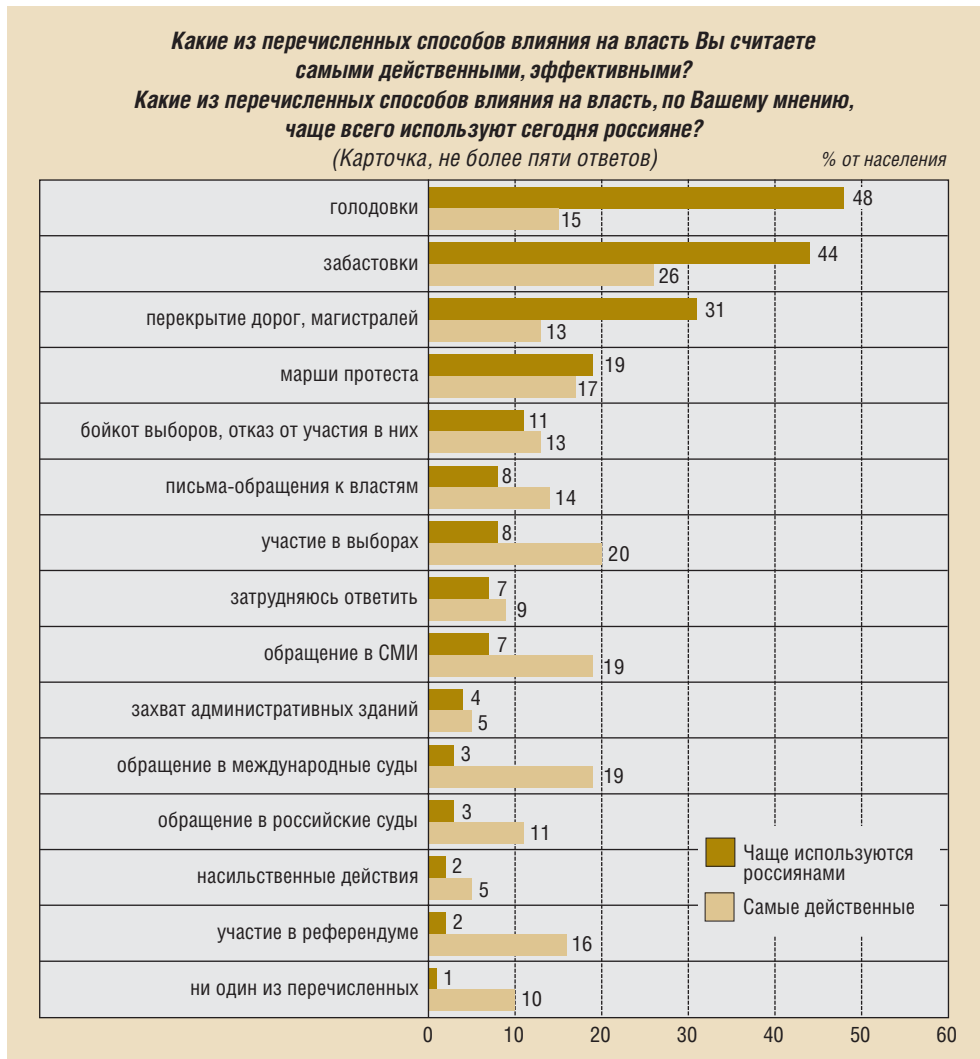

Рис. 7. Представления россиян о наиболее эффективных и чаще всего используемых способах влиять на власть*

таким, как захват и силовое удержание официальных лиц (Пермь**), блокирование административных зданий или кабинетов чиновников (Сахалин, Тольятти, Уфа, Томск***), голодовки (Белгородская область, Тула****).

С подключением к протестным акциям иных участников жесткие формы действий стали применяться существенно реже, блокирование дорог уступило место митингам около административных зданий с попытками вызвать каких-либо политиков или чиновников для разговора или передачи требований. Вместе с тем, как показывают данные опросов, метафора *войны и военных действий* в разговорах об акциях протеста и о возможности с их помощью влиять на власть сохранялась довольно долго. Лишь со временем конкуренцию ей смогла составить другая интерпретативная рамка: с наступлением лета — а летние месяцы традиционно

* Общероссийский опрос населения от 19–20 февраля 2005 года.

** Газета “Пермский обозреватель” от 18.01.2005 (<http://www.permoboz.ru>).

*** По информации РИА-новости (<http://www.rian.ru>), Газета.ру (<http://www.gazeta.ru>), Института “Коллективное действие” (<http://ikd.ru>).

**** По информации радиостанции ГТРК Тула и “Эхо Москвы” (<http://tula.rfn.ru>; <http://www.grani.ru>).

В Екатеринбурге 14 января 2005 года работники Ивдельского гидролизного завода начали четвертую по счету голодовку. Три первые акции закончились успешно – долги были выплачены. Екатеринбургская телекомпания “4 канал” отмечала, что “голодовка становится стандартным способом общения с руководством”. По сообщениям ИА АПИ, ИА “Интерфакс”

характеризуются спадом протестных настроений – стал заметен *рост скептицизма* относительно эффективности социального протеста*. В августе 2005 года (по сравнению с июлем) с 56 до 41% сократилась доля уверенных, что с помощью акций протеста можно добиться решения той или иной проблемы, тогда как численность сторонников противоположной точки зрения, согласно которой с их помощью нельзя решить ни одной проблемы, выросла с 30 до 42%.

Сказанное является отражением другой, менее очевидной проблемы: соотношение репертуара действий, которые выбирают для себя протестующие, и стратегий ответных действий со стороны властей [Климов И. 1999].

С одной стороны, чем меньше власть готова идти на диалог и поиск взаимоприемлемых решений, тем с большей вероятностью будет происходить радикализация протестных действий**. Жесткая форма связана с осознанием невозможности эффективно заявить и защитить свои требования, а также определять правила и взаимные обязательства***.

С другой стороны, способность власти как социального института отзываться на инициативы и требования общества связана со способностью общества такие требования выдвигать. В отсутствие социальных акторов, имеющих достаточно сил и ресурсов для выражения собственных интересов и участия в конфликте, власти прибегают к стратегиям “ускользающего суверенитета”, к разного рода способам переадресации ответственности – и это стало еще одной, невидимой битвой зимой 2005 года****. В результате такой тактики, особо широко использовавшейся во время “рельсовой войны” в 1998 году, не только разрушается пространство диалога, но и происходят *легитимация и нормативное обоснование* радикальных методов – таких, как перекрытие дорог или коллективные голодовки. Это находит свое отражение, в частности, в специфических обыденных теориях “о должном и справедливом”, в использовании “объясняющих метафор”, в апелляциях к значимым ценностям*****. Сказанное вполне согласуется с наблюдением, которое сделали Д. Марч и Д. Олсен: то, какие стратегии выбирают социальные институты для решения тех или иных проблем, то, какие действия они предпринимают в тех или иных ситуациях, неизбежно влияет на бытующие в обществе ценности, на коллективную идентичность, доверие и солидарность, а также на этические обоснования действий, предпринимаемых гражданами в отношении институтов, в частности в форме утверждений о справедливости [March, Olsen. 1989. P. 126].

* Общероссийский опрос населения от 13–14 августа 2005 года.

** Своеобразный “захват в заложники” и. о. губернатора Пермской области Олега Чиркунова был вызван задержанием одного из организаторов акции протеста. В целом же власти использовали разнообразные варианты действий – от задержаний и привлечения к административной ответственности (Санкт-Петербург, Пенза) до противодействия коалиционным стратегиям протестующих (В Красноярском крае властям удалось договориться с профсоюзами об их неучастии в акции 10–12 февраля) и организации контрмитингов в поддержку реформы. Последние, как правило, готовились при участии региональных отделений “Единой России”, и во второй половине февраля 2005 года они составляли довольно заметный информационный фон. Вместе с тем лишь 6% россиян допускали возможность своего участия в такого рода акциях. (см.: Общероссийский опрос населения от 19–20 февраля 2005 года).

*** См., например, историю голодовок рабочих Ивдельского завода (<http://www2.interfax.ru>, <http://www.apiural.ru>, <http://www.garweb.ru>).

**** Последствия реформирования системы льгот // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2005. № 6.

***** Все, о чем идет здесь речь, проявилось и в ходе реформы социальных льгот. Достаточно вспомнить появление темы справедливости в связи с Героями СССР, чернобыльцами, темы отмены льгот при сохранении привилегий чиновников, а также метафору войны и боевых действий – как оправдание жестких форм протеста против действий власти.

От льгот – к реформе ЖКХ. Послепротестная динамика мнений

Если говорить о сегодняшних оценках и сегодняшнем восприятии реформы социальных льгот российскими гражданами, можно утверждать, что ситуация принципиальным образом не изменилась, – она оказалась “замороженной” в состоянии весны–лета 2005 года. После того как социальная напряженность вокруг этой проблемы снизилась, и до настоящего времени соотношение тех, кто относится к реформе положительно, отрицательно и затрудняется сказать что-либо определенное на этот счет, практически не меняется: по данным опроса в январе 2006 года, это, соответственно, 38, 30 и 32%*. Если же говорить об оценках процесса реализации монетизации льгот, здесь по-прежнему доминируют критические мнения и высказывания. Больше половины наших соотечественников – 52% – не считают успешной и удачной организацию и проведение реформы (придерживаются противоположной точки зрения 16% респондентов), а при оценке ее последствий и результатов 41% уверенно говорят о преобладании негатива, при том что почти треть опрошенных – 31% – затрудняются оценить ее итоги**.

Отвечая на открытый вопрос об отрицательных итогах реформы, 37% россиян отмечали, что монетизация привела к ухудшению материального положения льготников: выплаты не компенсируют льгот (27%), врачи не рекомендуют покупать дешевые льготные лекарства, а более качественные требуют больших денег (6%), из-за разрыва стоимости льготных услуг и объема выплат уменьшаются возможности реально воспользоваться многими льготами (4%). В ответах еще 7% опрошенных говорится о плохой организации реформы: мучительные очереди, большое число необходимых справок, задержки выплат или же выплаты не в полном объеме и т. д.

“Все деньги съедают инфляция и рост цен”; “льготы были реальны, а выплаты очень малы, не перекрывают”; “врачи выписывают лекарства льготные, но предупреждают, что они могут повредить здоровью, что нужно купить дорогое, которое не вредит”.

В рассуждениях о положительных итогах реформы (ответы на другой открытый вопрос) представлены в основном две темы. Во-первых, люди получили возможность распоряжаться “живыми” деньгами по своему усмотрению (об этом говорили 20% опрошенных). Во-вторых, в результате реформы выиграли те, кто не пользуется льготами, – в частности, сельские жители (15%).

“Деньги для людей никогда не бывают лишними”; “дополнительные средства в семейный бюджет”; “более реальная помощь, чем льготы, которыми многие не пользовались”; “возможность хоть чем-то воспользоваться из положенных ему льгот”; “для сельских жителей дополнительная прибавка к пенсии”.

Вместе с тем три четверти россиян (78%) полагают, что денежные выплаты не компенсируют в достаточной мере существовавшие прежде льготы (противоположное мнение разделяют 6% опрошенных), это мнение значительно преобладает и в группе тех, кто видит определенные положительные итоги реформы (65% против 12%). Подавляющее большинство льготников также считают, что выплачиваемые деньги не компенсируют тех льгот, которыми они обладали прежде (82% против 8%).

Таким образом, мы видим, что спустя год после начала реформы социальных льгот все еще преобладает критическое и в целом прохладное отношение к ней.

* Общероссийский опрос населения от 21–22 января 2006 года.

** Общероссийский опрос населения от 17–18 декабря 2005 года.

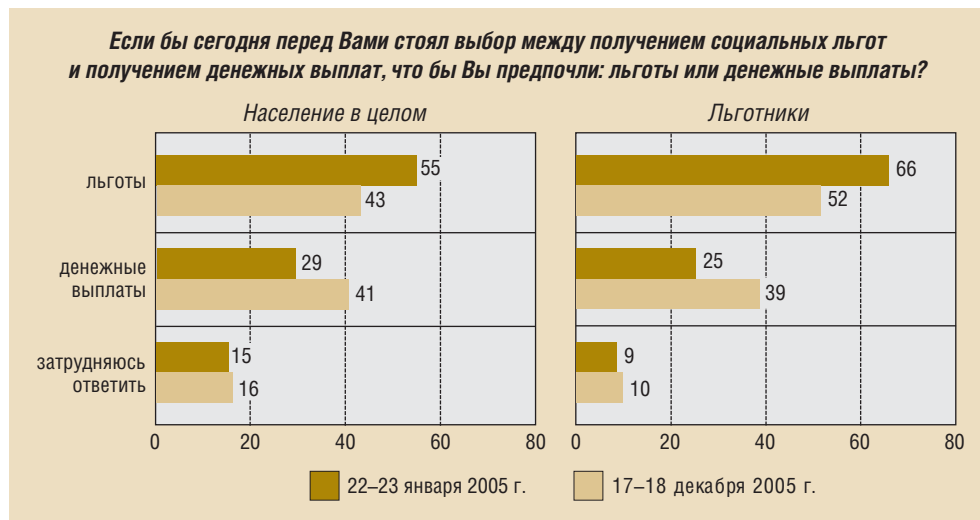

Рис. 8

Исследования обнаруживают одну принципиально важную тенденцию: *растет доля граждан, которые в гипотетической ситуации выбора предпочли бы социальным льготам денежные выплаты.*

Сегодня среди всех опрошенных группы выбравших бы льготы и выбравших бы деньги практически равны по объему (43% против 41%), среди льготников существовавший ранее разрыв тоже значительно сократился (в ходе декабрьского исследования он составил 52% против 39%) (рис. 8). Причем к прежней системе больше привязаны представители “ресурсных групп” (респонденты с высшим образованием, наиболее высоким уровнем дохода), в то время как люди с невысоким уровнем дохода начинают все больше и больше ценить денежную компенсацию [Бавин П. 2005]*. Особо следует отметить существенную динамику мнений в больших городах – региональных центрах, а также в селах: там с января 2005 года доля предпочитающих денежные выплаты выросла, соответственно, на 15 и 18 пп. (с 25 до 40% среди жителей региональных центров и с 39 до 57% среди жителей сел). Напомним, что именно в больших городах – региональных центрах протест льготников был самым интенсивным, именно здесь зимой 2005 года проблемы реформы были наиболее острыми, а социальная напряженность – наиболее сильной**.

Описанная тенденция – предпочтение денег льготам – отражается, хотя очень и очень слабо, на динамике отношения к реформе. За десять месяцев 2005 года, с марта по декабрь, с 17 до 28% выросла доля россиян, полагающих, что реформа социальных льгот принесла больше *положительных* последствий***. Однако это не столь важно, данное обстоятельство может служить лишь иллюстрацией к тому, в какой мере обладание “реальными деньгами” вместо “необоснованных льгот” способно менять отношение россиян к реформе. Важно зафиксировать специфику сегодняшней ситуации: при том что сохраняется недовольство и ходом реформы, и ее практическими итогами для льготников, *это недовольство качественно иное*. Все чаще обсуждается недостаточность компенсаций, необходимость оптимального и более грамотного решения возникающих проблем, и хотя сомне-

* Общероссийский опрос населения от 17–18 декабря 2005 года.

** Сельские жители с самого начала заметно чаще говорили о своей заинтересованности в деньгах. Например, в ходе опроса от 14–15 августа 2004 года выбирающих льготы и выбирающих деньги среди них было 16% против 17%, тогда как в крупных городах – 25% против 9% (соответствующий вопрос был задан только имеющим право на льготы).

*** Общероссийский опрос населения от 17–18 декабря 2005 года.

ния в необходимости и целесообразности монетизации льгот никуда не ушли, но они скорее воспринимаются как неактуальные, наивные, не имеющие отношения к сегодняшней жизни.

*“От льгот надо отказаться, а пенсию больше сделать. Льгот этих зачас-
тую никто и не видел – коррупция, неразбериха... Сейчас не лучшие. Льготные
лекарства не всегда достанешь, да и не самые лучшие они. Инфляция большая,
процентов под 20, наверное... Но основа тут уже другая, и для сельчан особен-
но, да и для многих горожан, я по разговорам сужу, все-таки лучше, чтобы
деньги были”* (ДФГ, Новосибирск, декабрь 2005 года).

*“Жизнь льготников и пенсионеров стала хуже только [в результате рефор-
мы]. С народом не советовались, как правильно это нужно было делать, мо-
жет, и не делали вовсе этого. Сейчас уже есть – что есть, нужно тогда сде-
лать так, чтобы все увидели: это тогда делалось не зря, что была цель ка-
кая-то”* (ДФГ, Самара, декабрь 2005 года).

Можно сделать еще один важный вывод: по всей видимости, *мобилизационный потенциал монетизации льгот можно считать исчерпанным*. Готовность участ-
вовать в коллективных выступлениях против реформы социальных льгот осенью
2005 года высказывали от 14 до 18% опрошенных (рис. 3). Это вполне согласуется
с данными опросов, замерявших протестные настроения в целом: отвечая на во-
прос, задававшийся в более свободной формулировке, четверть россиян (25%) до-
пускали для себя возможность присоединиться к каким-либо протестным акциям,
и 65% такую возможность исключали*.

Оговоримся: этот прогноз касается только одной темы – реформы социальных
льгот. Ведь той же осенью в общественном и медийном пространстве появилась
новая взрывоопасная тема – введение стопроцентной оплаты за услуги ЖКХ. Она-
то и стала тематической преемницей и новым основанием для протестных ожи-
даний. Если сравнить ответы россиян на два аналогичных вопроса, задававшихся
примерно в одно время, но различающихся степенью определенности относи-
тельно темы возможных акций протеста, можно увидеть, в какой мере тема ЖКХ
обладает большим мобилизационным потенциалом – в сравнении с “фоновым”
недовольством**.

Отношение россиян к преобразованиям в сфере ЖКХ – это отдельная исследо-
вательская и аналитическая задача. Здесь же важно отметить, что протестный по-
тенциал этой социальной проблемы весьма существенен, хотя в настоящее вре-
мя остается неактуализированным. С одной стороны, в текущем году люди стали

* Общероссийский опрос населения от 3–4 сентября 2005 года. Следует указать на особен-
ность вопроса про протест в связи с реформой льгот. Для изучения протестных настроений
используются разные индикаторы, вместе образующие “логическую воронку”. В данном слу-
чае вопрос был ориентирован на фиксацию сформированного, хотя и декларативного, на-
мерения, тогда как с помощью другого вопроса выяснялась установка на допустимость уча-
стия в акциях протеста для себя лично. То есть это отличие между намерением протестовать
и настроенностью на протест. Как показывают наши исследования, последнее оказывается
непрерывно шире, и соотношение отвечающих составляет примерно 1:2. По нашей экс-
пертной оценке, протестные настроения в связи с реформой льгот к осени 2005 года фак-
тически сравнивались с “фоновыми” протестными настроениями.

** В данном случае мы решили привести три вопроса, несмотря на их видимую несопо-
ставимость. Формулировки вопросов: “Вы лично допускаете или исключаете для себя воз-
можность принять участие в каких-либо акциях протеста, присоединиться к протес-
тующим?” (опрос 3–4 сентября 2005 года); “Вы лично допускаете или исключаете для се-
бя возможность принять участие в акциях протеста в связи с введением 100%-ной пла-
ты за услуги жилищно-коммунальных служб?” (опрос 17–18 сентября 2005 года); “Если
акции протеста в связи с заменой социальных льгот денежными выплатами состоят-
ся там, где Вы живете, Вы будете или не будете в них участвовать?” (опрос 10–11 сен-
тября 2005 года).

Если говорить в целом, Вы интересуетесь или не интересуетесь сообщениями об акциях протеста, проходящих время от времени в разных регионах страны?

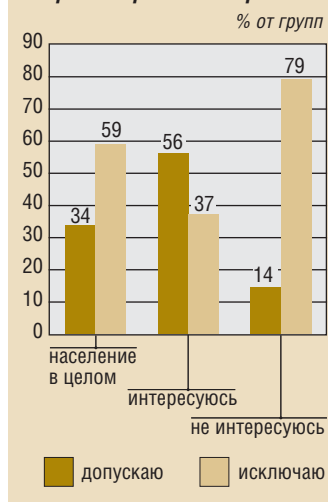

Рис. 10. Доли допускающих и исключающих для себя возможность участвовать в акциях протеста среди тех, кто интересуется (47%) и не интересуется (48%) информацией о протестной активности*

* Общероссийский опрос населения от 3–4 декабря 2005 года. Все описываемые соотношения вполне устойчивы, могут немного меняться лишь пропорции. См. аналогичные расчеты по опросу 2–3 июля 2005 года. [Климов И. 2005]

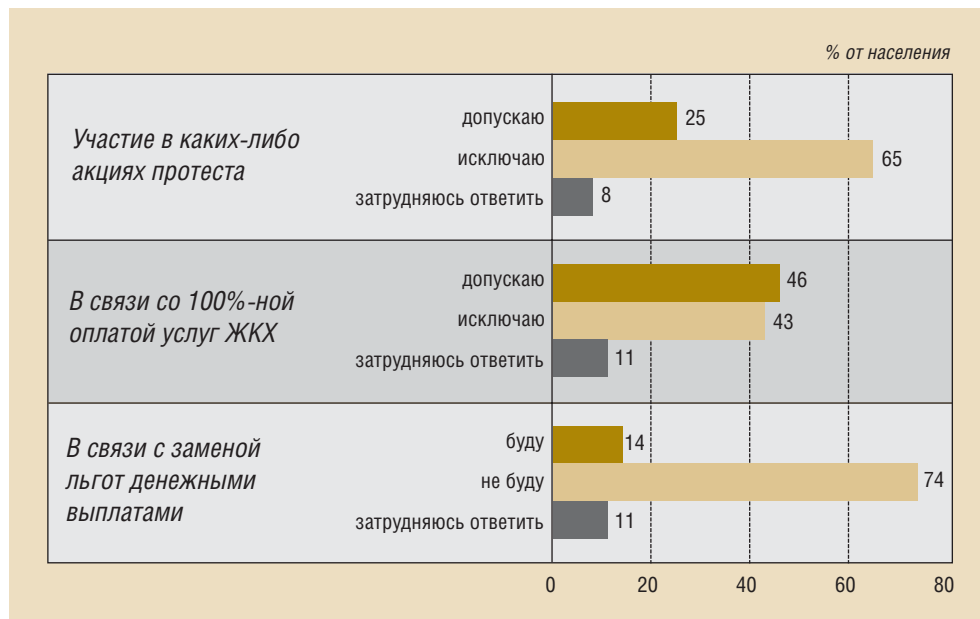

Рис. 9. Декларируемая готовность участвовать в акциях протеста – “фоновая”, в связи с введением 100%-ной оплаты услуг ЖКХ и в связи с реформой льгот. Сентябрь 2005 года

больше платить за услуги ЖКХ (в середине марта увеличение расходов отметили 84% и лишь 2% сказали, что их расходы остались прежними), причем 68% говорят о значительном ухудшении материального благополучия их семей в результате этого. Естественно, что представители именно данной категории опрошенных чаще других выражают готовность участвовать в акциях протеста (53% от численности группы). Поэтому неудивительно, что акции протеста в связи с ростом цен на услуги ЖКХ “задевают за живое”: от 42 до 48% россиян устойчиво допускают для себя возможность принять в них участие*.

С другой стороны, большинство россиян, по-видимому, склоняются к непротестным формам адаптации. Отвечая на открытый вопрос о том, что они собираются предпринимать в связи с ростом затрат на услуги ЖКХ, пятая часть (19–22%) сообщают, что принимают эту данность и ничего особого делать не собираются (“буду уповать на Бога”; “смирюсь и буду платить”). Готовы искать дополнительные приработки 12–17% и примерно столько же (17–19%) – намерены экономить на других статьях расходов. Некоторые (5–6%) собираются экономнее обходиться с услугами ЖКХ, а также предполагают оформить субсидию, которой прежде не пользовались (5–7%). И, наконец, сравнительно небольшая доля опрошенных (4–6%) заявляют о намерении “качать права”, участвовать в коллективных акциях протеста или же бороться в индивидуальном порядке, обращаясь в суд или к представителям местной власти**.

При каких условиях “фоновый” протест может перерасти в активно выражаемое недовольство? Здесь нужно понимать, что действительная, а не декларативная готовность участвовать в акциях протеста оказывается тесно связанной с целым рядом параметров, среди которых собственно проблемная ситуация, недовольство по какому-либо конкретному поводу не всегда оказываются самыми значимыми. Во-первых, многое зависит от мобилизованности внимания и степени включенности в проблему. Например, среди тех, кто интересуется сюжетами и сообще-

* Общероссийский опрос населения от 18–19 марта 2006 года.

** Общероссийский опрос населения от 18–19 марта 2006 года.

ниями о протестной активности или просто обращает на них внимание (численность таковых варьируется от 48 до 56%), соотношение допускающих и исключающих для себя лично возможность участвовать в протестных акциях составляет примерно 3:2, тогда как среди “незаинтересованных” – 1:5.

Во-вторых, это наличие (или отсутствие) личного опыта участия в коллективных акциях. По данным опросов, от 2 до 4% россиян участвовали в каких-либо протестных выступлениях. И именно эти люди демонстрируют наибольшую мобилизованность и протестную готовность: почти все они интересуются информацией о подобных событиях (четыре пятых) и допускают возможность обновить свой опыт протестного участия (четыре пятых)*.

И третье обстоятельство, формирующее готовность человека присоединиться к протестным действиям, особенно актуально после акций пенсионеров и льготников. Оно связано с тем, есть ли среди знакомых человека люди, которые уже участвовали в такого рода акциях. Среди участников общероссийских опросов, проводимых ФОМом, таковых встречается от 15 до 20%. Соответственно среди них доли допускающих и исключающих для себя возможность участвовать в протестных акциях устойчиво составляет пропорцию 2:1. А вот среди тех, у кого нет знакомых “протестантов”, соотношение обратное – 1:2.

С точки зрения заявленного подхода, реформа ЖКХ – это лишь одна из социальных проблем, способных стать катализатором протестной активности. Мы говорим здесь о ней потому, что именно она поддерживает тематическую и проблемную преемственность с реформой социальных льгот. Ведь эта тема уже проходила протестную проблематизацию в январе–марте 2005 года, когда требования относительно ЖКХ шли единым списком с претензиями к реформе льгот**.

Не менее, а зачастую более важными представляются другие составляющие активного социального протеста: история отношения людей к власти и история отношений с властью, реальные возможности для диалога и представления людей о возможности или невозможности заявлять свои требования и защищать свои интересы, а кроме того, это *опыт социального действия* – коллективного или индивидуального – в связи с актуальными проблемами.

Закключение

Подводя итог изложенному выше, зафиксируем несколько принципиально важных изменений, произошедших в обществе в связи с событиями января–февраля 2005 года.

Первый срок президентства В. Путина, безусловно, отмечен снижением протестной активности и социальной напряженности: массовых акций протеста было немного, и они воспринимались скорее в качестве маргинальных и единичных казусов, не определяющих “дух времени” и в целом не отвечающих ему. Нисходящую динамику численности протестных акций отмечали и сами россияне. Согласно данным одного из опросов ФОМа, 37% наших сограждан говорили, что сегодня забастовок и иных акций протеста стало меньше, чем 10 лет назад, и еще 26% утверждали, что сейчас их нет вообще***.

* В силу того что данная группа оказалась слишком малочисленной для статистического анализа (3% – это 45 человек), приводить процентное распределение было бы некорректным. Приведенная в тексте оценка была получена путем объединения данных трех опросов, проводившихся ФОМом в октябре, ноябре и декабре (общая численность респондентов, участвовавших в акциях протеста, – 122 человека).

** См., например, информацию о митинге в Пензе 12 февраля 2005 года (<http://ikd.ru>).

*** При этом 15% сказали, что забастовок и протестных акций стало больше, и 22% затруднились с ответом. Общероссийский опрос населения от 24–25 апреля 2004 года. О динамике протестных настроений см. также: [Гвоздева Е. 2002; Климова С. 2004; Климов И. 2004–6].

Скажите, пожалуйста, среди людей, с которыми Вы общаетесь, есть те, кто за последние полгода-год принимал участие в акциях протеста, или таких людей нет?

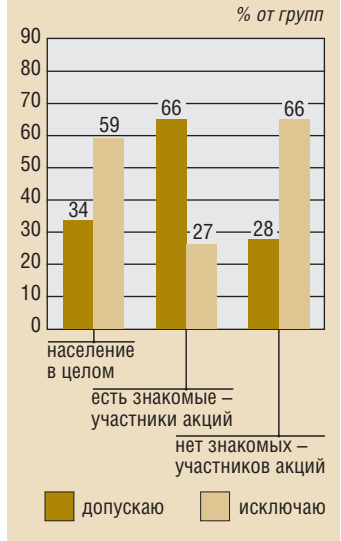

Рис. 11. Доли допускающих и исключающих для себя возможность участвовать в акциях протеста среди тех, у кого есть знакомые, участвовавшие в каких-либо акциях, и среди тех, у кого таковых нет*

* Общероссийский опрос населения от 3–4 декабря 2005 года.

После довольно продолжительного периода относительного затишья протестная активность как форма социального действия вновь вошла в современную историю и событийный контекст повседневной жизни значительного числа россиян. Исследования, опросы показывают, что протестные акции практически всегда завладевали вниманием людей и вызывали их одобрение, особенно когда цели и требования оказывались близкими и понятными им*. Однако после того как люди увидели пенсионеров и льготников, перекрывающих дороги и требующих разговора с первыми лицами страны и своего региона, протест обрел *легитимность*, он стал представляться правильным и целесообразным, а намерение выразить свое возмущение *действием* – делом допустимым и “нормальным”, об эффективности которого можно спорить, но о котором нельзя сказать, что это поведенческое отклонение, выступление каких-то “странных” людей, добивающихся непонятно чего и наверняка ищущих лишь свою выгоду.

С другой стороны, протестная активность льготников, в значительной мере спонтанная, стала стимулом к формированию относительно устойчивых алгоритмов действий и к появлению новых форм общественной организации. Стало возможным говорить о сетевых стратегиях действий, о феномене лидерства и об особенностях лидерства в сфере гражданских инициатив и конечно же – о возникновении новых субъектов коллективного действия, не распавшихся сразу после снижения социальной напряженности в связи с реформой системы льгот.

Можно сделать осторожное предположение, что *приспособительные, пассивные и атомизированные стратегии адаптации* (по Р. Мертону) в ситуации неопределенности и социальных новаций сосуществуют, а иногда и *уступают место иным стратегиям* – коммуникативным, диалоговым, направленным на формирование социальных сетей и правил взаимоотношений не только “по горизонтали” – с другими и с похожими социальными группами и общностями, но также и “по вертикали” – с властями разного уровня и разного качества и некоторыми социальными институтами: партиями, профсоюзами, судебной системой, арбитражем и т. д. Последнее, безусловно, представляет собой “вызов” сегодняшнему политическому устройству, так как здесь проверяется *организованная способность власти как системного социального института воспринимать воздействия и отзываться на них оптимальным образом* [Etzioni. 1968. P. 504]. Реформа социальных льгот стала, пожалуй, самым важным проектом российской власти – если говорить о том влиянии, которое она оказала на формирование представлений (у власти и общества) о необходимости выстраивать диалоговые площадки для обсуждения и решения возникающих проблем. Безусловно, дальнейшие события, ход и реализация запланированных реформ покажут, какие выводы и какой опыт извлекли из ситуации все участвовавшие и не участвовавшие в ней стороны, кто испугался, кто разочаровался, кто извлек для себя урок, а кто понял, какими ресурсами нужно обладать, чтобы быть услышанным и понятым. ■

Литература

Бавин П. Замена льгот выплатами: год с начала реформ // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2005. № 51.

Бавин П. Реформирование системы социальных льгот: мнение формируется на кухне // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 27.

Гвоздева Е. Протестные настроения российских граждан // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2002. № 19.

* См., напр.: [Климов И. 2004-6], опросы ФОМа от 19–20 июня и от 30–31 октября 2004 года, а также опрос Аналитического центра Ю. Левады от 22–23 января 2005 года. Россияне о монетизации льгот (<http://www.levada.ru>).

Климов И. Протестная активность в России: взаимная обусловленность стратегий конфликтующих сторон // Политические исследования. 1999. № 1.

Климов И. Реформа системы социальных льгот: динамика мнений // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2004(а). № 28.

Климов И. Протестные настроения российских граждан // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2004(б). № 25.

Климов И. Протестный потенциал и протестная активность // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2005. № 27.

Климов И. Деньги вместо льгот: социальный капитал одной реформы // Социальная реальность. 2006. № 1.

Климова С. Протестная активность россиян: динамика и потенциал // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 15.

Etzioni, A. The active society. New York: Free Press, 1968.

March, J., Olsen, J. Rediscovering institutions: the organizational basis of politics. N.Y.: Free press. 1989.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ

По данным опроса, проведенного ФОМом летом 2005 года, две трети россиян (63%) полагают, что состояние окружающей среды в стране в последние годы ухудшается; еще 22% считают, что оно не меняется, и лишь 9% усматривают в нем позитивные сдвиги. Распределение ответов респондентов на этот вопрос не претерпело существенных изменений по сравнению с данными, полученными четырем годами раньше, в 2001 году (65%, 18% и 10% соответственно). По существу, не изменилась за это время и доля опрошенных, заявляющих, что их беспокоит экологическая ситуация в своем регионе (83% – в 2005 году, 86% – в 2001-м). Как и раньше, каждый третий (33%) заявил, что состояние окружающей среды там, где он живет, – хуже, чем в большинстве регионов страны (в 2001 г. – 32% ответов); чаще других об этом говорят москвичи (53%) и жители больших городов (43%). Еще 38% полагают, что положение в их регионе не отличается от общероссийской ситуации, и только 19% оценивают экологический фон своего региона как более благоприятный по сравнению со средним по России. Эти показатели также близки к тем, которые были получены четырем годами раньше.

Кто больше всего, по мнению россиян, загрязняет окружающую среду? Судя по ответам на этот открытый вопрос, ответственность за экологическую ситуацию в своих регионах респонденты возлагают не только, как можно было ожидать, на работу промышленных предприятий, но и на самих

граждан. Двое из каждых пяти опрошенных (40%) называют основными “загрязнителями” природной среды заводы, нефтекомбинаты, угольные шахты, атомные и гидроэлектростанции (“заводы наши загрязняют воздух и реку”, “угольные карьеры”, “атомная станция”, “ГРЭС”). Но многие (28%) говорят и о том, что ущерб окружающей среде наносят бытовые привычки наших сограждан, засоряющих ее всяческими отходами (“сами мусорим, больше всего молодежь – банки кидает всюду”; “свалки в лесах, в городе – горожане просто не желают жить в чистоте”; “сами жители, вывозят мусор на несанкционированные свалки”). Еще 21% респондентов отмечают, что окружающей среде вредит другая сторона повседневной жизни людей, а именно – “автомобили – их газы”. Прочие причины упоминаются в этом контексте заметно реже.

Две трети опрошенных (67%) считают, что большинство жителей их города (села) отнюдь не проявляют бережности в своем отношении к окружающей среде (иначе думают всего 19%). И практически такая же доля респондентов (66%) уверены, что рядовые граждане могут что-то сделать для ее защиты (25% придерживаются противоположного мнения). Конкретизируя в ответах на открытый вопрос свою позицию, респонденты упоминают самые разные природоохранные меры, которые, по их мнению, вполне по силам обычным людям. Но наиболее популярная точка зрения сводится к тому, что надо “быть чистоплотнее” и “бросать мусор в урны”, – об этом говорят 40% опрошенных.

Общероссийский опрос населения 2–3 июля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Людмила Преснякова